

ГЛАВА XII

ШМЕЛЕВ — ИЗВЕСТНЫЙ И НЕИЗВЕСТНЫЙ (Проблемы текстологии)

16 декабря 1946 года И. Ильин писал И. Шмелеву: «Вы уже вошли в историю России и русской литературы; Ваши труды уже строят будущее»¹. Эти слова оказались пророческими, что особенно наглядно проявилось за годы, прошедшие со времени перенесения праха писателя на родину. Произведения Шмелева ежегодно издаются в России, привлекая к себе внимание восторженных почитателей, о нем пишут кандидатские и докторские диссертации, его изучают в средней и высшей школе. В 2008 г. в издательстве «Сибирская Благовонница» вышло 12-томное собрание сочинений писателя, дополненное новыми рассказами, очерками, воспоминаниями, публицистикой. Расположенный в хронологической последовательности материал томов охватывает период с 1895 г. до смерти писателя, от повести «В новую жизнь» до неоконченных романов «Иностранец» и «Пути небесные».

Сочинения Шмелева активно переиздаются российскими издательствами «Русская книга», «Известия» (серия «Библиотека Известий»), «Эксмо», «Бдение», «Сретенский ставропигиальный монастырь», «Звонница» и многими другими. В 2007 г. в Петрозаводске вышло электронное издание собрания сочинений писателя под редакцией Н. И. Соболева. В фонде радио «Град Петров» в первые годы XXI века появились аудиокниги Шмелева «Человек из ресторана», «Лето Господне», «Записки не писателя», «Куликово поле», «Солнце мертвых», в 2010 — «Старый Валаам». Рекламируя свои книги, издатели не скупятся на похвалы в адрес Шмелева, называя автора величайшим русским писателем.

О небывалой популярности его творчества свидетельствует хотя бы тот факт, что за последние годы произведения Шмелева вошли в церковный обиход и в золотой фонд литературы для де-

тей. Сошлемся на некоторые книги, изданные в 2011–2013 гг.: «Богомолье. Лето Господне» (изд. «Дар», 2011), «Человек из ресторана» (изд. «Дрофа», 2012), «Человек из ресторана» (изд. «Азбука», 2012), «Детям» («Детская литература», серия «Школьная библиотека»), «Лето Господне» (изд. «Детская литература», серия «Школьная библиотека», 2013). Многие сочинения Шмелева стали столь же популярны, как произведения русских классиков XIX века. Но можем ли мы сегодня сказать, что знаем *подлинного* Шмелева? Чтобы ответить на этот вопрос, посмотрим, как издается его творческое наследие.

При жизни Шмелев подготовил лишь одно восьмитомное собрание сочинений, которое выходило с 1912 по 1919 гг. под названием «Рассказы»: том 1 — в горьковском издательстве «Знание», том 2 — в петербургском «Издательском товариществе писателей», остальные — в «Книгоиздательстве писателей в Москве». В нем более или менее полно была представлена дореволюционная проза писателя, далеко не вся. 25 апреля 1925 г. Шмелев посетовал в письме переводчику А. С. Элиасбергу: «Война и революция многое спутали, например, усекли издание моих книг, уже было договоренных “Нивой” в приложении к изданию»². Предполагавшееся издание сочинений писателя в приложении к журналу «Нива» не осуществилось.

Произведения, написанные Шмелевым в эмиграции, в несколько раз превосходят дореволюционные не только по уровню художественного мастерства, но и по объему. Они печатались, как правило, в эмигрантской периодической печати, затем, существенно переработанные, включались в состав сборников или отдельных книг, выпускаемых издательствами «Возрождение» и «Русская земля» в Париже, «Русская библиотека» в Белграде, «Пути жизни» в Нью-Йорке, «Пламя» в Праге, УМКА-Press и др. И хотя они могли бы составить более десяти томов собрания сочинений Шмелева, за рубежом этот вопрос не ставился. Не ставился он и в СССР до конца 1990-х гг. Первой попыткой представить на родине творчество Шмелева в целом, как дореволюционное, так и эмигрантское, стала книга избранных произведений «Светлая страница» (составление, вступительная статья и комментарий А. П. Черникова. Калуга, 1995). Составитель не только познакомил широкого читателя с романом Шмелева «Няня из Москвы» и малоизвестными ранними произведениями, но и дал анализ всего творческого пути писателя и научный комментарий к текстам.

Изданное «Русской книгой» в 1998–2000 гг. собрание сочинений Шмелева (составление и вступительные статьи Е. Осьмининной) было задумано в пяти томах, к которым впоследствии добавились еще три дополнительных тома. В нем представлены художественные произведения и публицистика разных лет, собранные произвольно, без всяких текстологических правил. В одном и том же томе печатаются тексты разных лет и разных жанров, разные редакции одного и того же произведения (например, рассказы «Миша» и «Кошкин дом», «Убийство» и «Кровавый грех»). Ни один из томов не снабжен комментариями, ни реальными, ни текстологическими. Это собрание сочинений не преследовало цель дать научно выверенный и тщательно подготовленный текст Шмелева. Более важной оказалась задача как можно быстрее познакомить читателя с зарубежным творчеством писателя.

Перепечатывая тексты из эмигрантских изданий, составительница не только не занималась критикой текста, но и добавила к многочисленным механическим дефектам собственные опечатки и искажения. Приведем лишь один пример. Финал получившего мировую известность «Солнца мертвых» звучит в первом томе этого собрания сочинений так: «Солнце за Бабуган зашло. Синют горы. Звезды забелели. Дрозда уже не видно, но он поет. И там, где прорубили миндали, другой... Встречают свою весну. Но отчего так грустно? Я слушаю до темной ночи» (1, 636).

В издании «Солнца мертвых» 1924 года (Париж, «Возрождение») после этих слов есть еще четыре фразы: «Вот уже и ночь. Дрозд замолчал. Зарей опять начнет... Мы его будем слушать — в последний раз». Не нужно доказывать, какую огромную смысловую нагрузку несут последние слова: в них намек на близкую разлуку писателя с родиной, разлуку навсегда. Быть может, в более поздние годы, готовя второе издание «Солнца мертвых» (Париж, «Возрождение», 1949), Шмелев сам изменил финал? Но нет, и в последний период жизни он оставил его нетронутым. Об этом свидетельствует его письмо О. А. Бредиус-Субботиной от 3 сентября 1941 года, где цитируются эти строки и говорится: «Вот спою Вам последнюю страничку — “Солнца мертвых” — раскрылось вчера, повернуло ножом в сердце»³.

Как же получилось, что пронзительные шемящие строки, столь важные для автора, исчезли из финала эпопеи? И почему вместо «прорубили миндали» напечатано «прорубили миндали»?

(«порубили» на дрова — это понятно, «прорубили» — неясно). Ответить на эти вопросы невозможно, так как в первом томе собрания сочинений («Русская книга», 1998) не указано, по какому тексту печатается произведение.

В 1923–24 годах Шмелев публиковал «Солнце мертвых» по частям в журналах и газетах — «Окно», «Звено», «За свободу», «Руль» и др. Отдельное издание эпопеи, вышедшее в 1924 г., было переиздано в 1949 году, по-видимому, без участия автора, т.к. он был в это время тяжело болен. Сопоставив все эти источники, следовало выбрать из них основной, в котором максимально полно выражена авторская воля, а остальные использовать для исправления опечаток и технических дефектов, которыми изобилуют эмигрантские издания.

История текста «Солнца мертвых» характерна для большинства поздних произведений Шмелева: вначале они печатались в периодической печати по главам или полностью, затем писатель перерабатывал текст для отдельного издания и снова правил его при переизданиях, создавая порой много вариантов. Именно так шла работа над всеми романами Шмелева: «Лето Господне», «Богомолье», «Пути небесные» и др. 25 сентября (8 октября) 1945 года он писал О. А. Бредиус-Субботиной: «Если бы ты видела, как я бьюсь порой над страницей... — имею волю перемазывать до 20 раз, чтобы “поймать” синюю птицу»⁴. В их переписке сохранилось множество свидетельств тщательной работы писателя над текстом своих произведений в последние годы жизни. Приведем лишь некоторые.

10 марта 1944 г. Шмелев писал О. Бредиус-Субботиной: «...решил отдать в печать и “Почему так случилось”, м. б. в субботу появится, в два приема, так как новая редакция этого рассказа аж в полтора раза расширена!»⁵ Этот коротенький рассказ был опубликован в «Парижском вестнике» 15 и 22 апреля (№№ 95 и 96) 1942 г. и спустя два с половиной года подвергся не просто правке, а коренной переработке. За несколько дней Шмелев переделал его четыре раза, создав новую редакцию.

Рассказ написан в конце 1941 г. и фактически является завуалированным откликом писателя на начавшуюся войну СССР с Германией. Она вновь вызывала у него мысль о том, «почему так случилось», почему рухнула российская империя и кто виноват в случившемся. В это время он видел в немцах избавителей от большевистского ига, поэтому ночной разговор старого профессора с чёртом, выступающим как безжалостный судья либераль-

ной интеллигенции, — это раздумье о неминуемо грядущем наказании за гибель старой России, разрушенной революционным взрывом. Шмелев вспоминает мысли В. Розанова, Ф. Достоевского и Н. Трубецкого, цитирует Пушкина, Некрасова, Чернышевского, Достоевского, пытаясь угадать, как развернутся исторические события. Возмущаясь словами чёрта, критикующего либерализм и революционность российской интеллигенции, герой приходит к мысли, что ТАМ есть судия, который справедливо рассудит всех.

Переделывая рассказ в 1944 г., Шмелев существенно расширил текст и внес иные акценты в оценку событий русской истории. Сталинградская битва кардинально изменила расстановку сил в войне, показав всему миру силу и могущество Красной армии. Поэтому в сложном многоплановом течении мыслей героя, с которыми то соглашается, то полемизирует сам автор, появляется новая тема «ваньки»-Микиты, который воистину может изменить ход истории. Это он, простой русский мужик, оказался мудрее либеральной интеллигенции, расшатывавшей устои государства. Усилив критику «разрушителей», которые «подпарывали *ткань-то*, «устойцы»-то шатали» (3, 264–265), Шмелев одновременно придал Мефистофелю выразительные черты не только большевистского беса-искусителя, разрушавшего духовные устои русского народа, но и фашистского идеолога. Не от имени ли Гитлера признается чёрт: «Пробовал я того Микиту на зуб, так и этак... плюнул»? (3, 261).

Теперь в происходящих событиях Шмелев «слышит силу» России, а в музыке угадывает слова «...разумейте, языцы, и покоряйтесь», предчувствуя, что «ванька»-Микита не только победит, но и «вознесется он под самый кумпол, к Самому» (3, 263). Вернувшись к Шмелеву надежда на русский народ, способный вынести все и одолеть врага, изменила финал рассказа. Проснувшись утром, профессор уничтожает «главный труд своей жизни», написав «размашисто во всю страницу — ЛОЖЬ» (3, 268). Так была создана вторая редакция рассказа, которая существенно отличалась от текста, опубликованного в «Парижском вестнике».

Создание разных редакций одного и того же произведения — характерная черта творческой работы Шмелева. 5–6 августа 1946 г. он сообщил О. А. Бредиус-Субботиной: «“Куликово поле” подвергнется мною (незначительно, правда) чистке: главным образом, где следователь-рассказчик говорит о большевиках,

уроки музыки... Ну я пересмотрю, все прикину ...Работы 1–2 дня. Я для тебя перепишу его, установлю точный, окончательный текст, ничего не добавляя, он должен сохранить вид, как к весне 39 г. Только кое-что выну, именно — чтобы не очень лез в глаза подлый прах большевизма, — мне претит дура-любовница комиссара, учившаяся музыкам! Но неземное... неприкосновенно»⁶.

«Куликово поле» — одно из ключевых произведений Шмелева, над которым он работал в 1938 году (опубликовано в январе 1939). Подзаголовок «Рассказ следователя» свидетельствовал о документальной основе повествования: историю о встрече героев с преподобным Сергием Радонежским писателю рассказал знакомый. Чудотворная основа повести (явление Святого, знамения и тайна, окутывающая все действие) связана с идеей возрождения веры в русском народе и утolenиeм страданий самого автора после смерти его жены. Старинный восьмиконечный крест, найденный на поле Куликовом, связывает воедино не только прошлое и будущее, напоминая об истории России. Переданный потомкам самим Сергием Радонежским, он соединяет земное и небесное, внушая веру в то, что растворятся закрытые большевиками ворота Троице-Сергиевой Лавры, снова затеплятся лампы и воссияет Свет. А главное, даже неверы поймут, что чудо есть: «...это необъяснимо в человеке, как недоступны сознанию величайшие миги жизни — рождение и смерть. Тут было — *возрождение*. Это — невидимая победа-тайна» (2, 163).

Шмелеву, как и его героине, открылось: «Всё — *живое*, всё — есть: “будто пропало время и не стало прошлого, а всё есть!” <...> всё, что она помнила из книг, из прошлого, далекого — “всё родное наше”, — *есть*, и — с нею, и Куликово поле, откуда явился Крест, — *здесь*, и — в ней! Не ответ его в истории, а самая его живая сущность, живая явь» (2, 157). «Куликово поле» можно назвать символом веры Шмелева. Он признался О. А. Бредиус-Субботиной 21 марта 1947 г., что попытался показать в этом произведении, «чем жив русский человек»: «... в “Куликовом поле” — о *самом* важном, о — *возрождении*, о возвращении блудных сыновей в отчий дом! Только потому и произошло чудо, что — его достойны»⁷. Учитывая особую значимость этого произведения для автора, особенно важно изучить историю его создания и последующей правки.

О. В. Лексина и Л. В. Хачатурян подробно рассказывают об этом, публикуя хранящуюся в РГАЛИ рукопись произведения:

«Первая редакция “Куликова поля” (тогда еще рассказа) была завершена автором в феврале 1939 г. и опубликована в газете “Возрождение”. В январе-феврале 1942 г. по просьбе О. А. Бредиус-Субботиной, И. С. Шмелев переслал ей рассказ в пяти письмах. Перепечатывая текст, Шмелев создал не точную копию (для писателя его склада это было невозможно), а еще один вариант произведения.<...> Сам Шмелев неоднократно называл сделанную правку редакцией, хотя это и не совсем точно: “Это последняя редакция, самая окончательная, для тебя и печати”, “Пусть эта последняя ред. “Куликова поля” (я опять местами правил и пополнял) будет истинной, помни!”»⁸

Однако и этот текст оказался не окончательным. В начале 1942 г. Шмелев вновь начал его править, задумав издать «Куликово Поле» отдельной книгой малого формата. Только 19 февраля 1947 г. он сообщил Бредиус-Субботиной о завершении работы: «Сегодня отправляю тебе “Куликово поле”, в новом списке, очень развернутом, в 1½ раза. С неделю проработал. Это — окончательно, так и прими — *свое*»⁹. В письме И. А. Ильину он тоже признался, что увеличил произведение в полтора раза.

Анализируя последний текст, О. В. Лексина и Л. В. Хачатурян отмечают изменение образов героев, включение «второго плана» повествования, элементы «публицистики» в «сказовом» житийном ладе, введение новых диалогов. Особенно важным представляется им намек на совпадение двух дат в 1925 году: Родительской субботы и субботы 7 ноября, годовщины Октябрьских событий. Они пишут: «“Обновление креста” окончательно утверждает “Куликово Поле” как многоплановое произведение. В нем сочетаются детективная фабула, сказ о явлении святого, “документальное свидетельство” об обращении “невера”. И на этом, тщательно подобранном автором фоне звучит новая и главная тема повести — евангельская тема Распятия и Воскресения России. То, что занимало мысли И. С. Шмелева во время Второй мировой войны, то, в чем он видел основное, “скрытое” движение истории»¹⁰. Так в результате серьезной концептуальной правки рассказ превратился в повесть, а ее содержание неизмеримо расширилось и углубилось.

Это касается и других этапных произведений Шмелева: повести «Неупиваемая Чаша», рукописный текст которой существенно отличается от печатных изданий. Авторская правка свидетельствует о том, что Шмелев постепенно превращал ее из социально-романного в церковно-житийное произведение. Еще сложнее

шла работа над романами «Лето Господне», «Богомолье» и «Пути небесные». 26 сентября 1946 г. он писал Бредиус-Субботиной: «Я за эти шесть дней переработал-переписал — *шесть* глав “Лета Господня” — кончил “Радуницей”. Остается девять. Их хочу кончить в 12 дней, к Ангелу»¹¹. А 27 декабря 1947 г. писал ей: «В рождественском номере — “Рождество в Москве” — вновь проработанное»¹².

Роман создавался более двадцати лет: с декабря 1927 г., когда был написан очерк «Наше Рождество. Русским детям» (опубликован в газете «Возрождение» 7 января 1928 г.) до февраля 1948 г., — публикации главы «Соборование» в парижском журнале «Русская мысль» (№ 44). При этом серия документальных очерков о детстве и юности самого Шмелева постепенно превращалась в повесть о сущности «русского благочестия», а потом в роман, состоящий из трех частей — «Праздники», «Радости», «Скорби»¹³.

Работа прерывалась, т. к. параллельно Шмелев начал писать «Богомолье», и только в 1932 г. закончил первую часть романа «Лето Господне. Праздники» (вышло отдельным изданием в 1933 г. в Белграде). В 1934 г. началась работа над второй частью произведения, которая тоже прерывалась, т. к. был задуман новый роман «Пути небесные». Труднее всего далось Шмелеву окончание третьей части «Скорби», где говорится о болезни и смерти отца. Отдельное издание «Лета Господня» в трех частях (Праздники. Радости. Скорби) вышло лишь в 1948 году в Париже.

Опубликованный сотрудниками РГАЛИ ранний вариант очерка «Михайлов день» (первоначально «День ангела») позволяет сделать вывод о существенном изменении замысла произведения, т. е. о создании его разных *редакций*. Если в газетном варианте ощутима жанровая специфика очерка, то со временем повествование приобретает философско-лирический и моральный подтекст. Воспоминания самого автора о «спутниках детских лет» и милом дворе родного дома исчезают, заменяясь размышлениями о Господней воле и ангелах, которые хранят каждого человека от бед, о доброте, человечности и внимании к близким.

Особенно сложной была работа над последним незавершенным романом Шмелева «Пути небесные». Писатель много раз возвращался к одним и тем же главам, не только правя стиль, но и меняя концепцию, устраняя неточности. 12 июля 1944 г. он писал Бредиус-Субботиной: «Вчера усмотрел, какую же я оплош-

ность допустил в главе 9-ой “Аллилуиа”. В шестопсалмие включил ...50-й псалом! Снова все переработал, — и посылаю. Теперь все — уставно, и не укорят меня знатоки “обихода”! И получилось, кажется, лучше... я нашел новое и ввел — дивное место из Евангелия от Иоанна на праздник апостолов... 21 гл. ст. 15–25. Увидишь. Посылаю. Замени, — там все указано, откуда “новое” и — докуда. И все это (оплошность и ее досмотр!) было нужно: теперь куда полней. Особенно — от Иоанна! Я очень люблю это...»¹⁴

Зачастую Шмелев, безжалостно выкидывал целые эпизоды, которые казались ему лишними или неудачными. 21 марта 1947 г. он признался: «...я *все* примеряю очень внимательно и когда мне надо — не шажу, безжалостно вышвыриваю — вот, из “Путей” — больше 100 страниц выхерил»¹⁵. Работа над романом шла до последних дней жизни Шмелева. «Последняя глава меня истомила, — писал он, — чуть не 7–8 редакций-вариантов, а всего в ней пять страниц»¹⁶.

Удивительная требовательность к себе и огромная трудоспособность поражали даже близких друзей писателя. И. Ильин писал ему 16 декабря 1946 г.: «Радостью исполнилось мое сердце, когда прочел, что Вы взялись за пересмотр второго тома “Путей”. Высшая свобода и мудрость художника — в том, чтобы не поклоняться своим созданиям, а судить их судом художественного Огня и Духа. Помогите Вам Господь!»¹⁷

Обратим внимание на высказанное Шмелевым желание установить «точный, окончательный текст», т. е. исполнить определенно выраженную «последнюю авторскую волю». Именно это текстологическое понятие должно определять выбор текста, по которому следует печатать то или иное произведение. Иногда автор сам помогает текстологу. Так, 16 марта 1944 г., отправив О. А. Бредиус-Субботиной вторую часть «Лета Господня», он сообщает: «На рукописи моей такие пометки, мои: «В книге посвящения некоторых глав должны быть устранены. Всё — I и II части — посвящается мною ... (на отдельном листе, за титульным, в траурной рамке должно быть напечатано): «Блаженной памяти моих Светлых» — на следующей строке — «Сергия и Ольги». Эпиграфом беру к обеим частям: «Два чувства дивно близки нам — В них обретает сердце пищу — Любовь к родному пепелищу, — Любовь к отеческим гробам. А. Пушкин». При издании в конце текста II ч. дата: Март 1934 — февраль 1944. Париж. В конце каждой главы остается ее дата и место написания»¹⁸.

Столь же категорично выражена воля Шмелева в письме от 28 апреля 1944 года: «На “Куликовом поле” отметка у меня для издания: “по варианту у О. А. Бредиус-Субботиной. Отдельной книжкой, с *ее* обложкой. Посвящение — ей” Все»¹⁹. Однако в окончательном варианте рассказа, созданном в феврале-марте 1947 г. это посвящение отсутствует. Итак, чтобы правильно выбрать основной источник текста, нужно внимательно изучить творческую историю каждого произведения и определить «последнюю авторскую волю» Шмелева. Решить эту непростую задачу поможет архив писателя, большей частью состоящий из авторизованных машинописных копий с его правкой.

Второй текстологической проблемой, возникающей при подготовке сочинений Шмелева к печати, является критика текста, т. е. тщательная сверка с оригиналом — автографом или авторизованной машинописной копией, отражающей последний этап правки автора. Подобная работа была проведена сотрудниками Института мировой литературы РАН при подготовке двухтомника «Избранных произведений» И. Шмелева²⁰. Выяснилось, что даже ранние произведения писателя, многократно издаваемые разными издательствами, изобилуют пропусками, опечатками и разного рода дефектами, искажающими их смысл. Приведем несколько примеров.

В рассказе «Мой Марс» говорится, как раздражал нескончаемый вой Марса публику на корабле. «Это ужасно! — жалуется барыня с лорнетом, — Послушайте, уймите хоть вашего-то! — обращается она ко мне». Правильный текст таков: «Боже мой! — жалуется барыня с лорнетом. — Послушайте, уймите хоть вашего-то! — обращается она к *немке*». Вместе с Марсом безудержно лаяли все собаки на пароходе, поэтому дама предлагает *немке* унять своего мопса.

В рассказ «Мэри» при более поздней правке текста были внесены новые штрихи для характеристики героев или немаловажные дополнения. Невысокая лошадка золотистой масти характеризуется как «почти жеребенок» с белыми, а не темными ушками и голубыми глазами. Вредина-воробей, напротив, стал более неприглядным: «перья из него вылезли, голова облысела». Выразительнее стал портрет жокея Кэта: «тощий, с красным лицом, стоя на стременах, не смотря на трибуны» — он боится, что на скачках выиграет Мэри. Иным стал конец рассказа: воробей окликает Мэри, которая уже умерла. «— Мэри! Это вы?»

Тишина. Слышно, как скрипит за стеной старый вяз.

— Мэри! Мэри!»

Выразительная деталь — скрип старого вяза — подчеркивает трагедию, которую переживают все в доме.

В рассказе «Полочка» текст искажен опечаткой и пропуском. На стенке ящика, из которого сделали полочку, была *надпись* «Самые лучшие итальянские макароны». Вместо слова «надпись» печатается «подпись», которую вряд ли можно сделать «густой черной краской». Одно неверное слово обесмысливает весь рассказ. В его тексте пропала очень существенная для смысла рассказа часть фразы: «В тот памятный вечер в моем сердце затеплилась искра: *я почувствовал пока бессознательное уважение к книге*».

Опечатками и пропусками пестрят едва ли не все произведения Шмелева. В рассказе «Поденка» «огромная черная тень от бутылки» видна не на стене, а на столе. В рассказе «Волчий перекат» печатается бессмысленная фраза «Он пошел полевой загородкой, знакомой дорогой». Она станет понятнее, если изменить слово «загородка» на «загородинку». Рассказ «Светлая страница», как и многие другие произведения, печатается по неавторитетному тексту, не отражающему последнюю волю Шмелева. В нем нет фразы «Предо мной открылось впервые!» Искажена другая: Сидор говорит мальчикам: «Говори, как звать, чтобы помнить!» Вместо «помнить» нужно печатать «поминать». Тогда слова Сидора превращаются в поговорку, которыми богата его речь, и становится понятно, почему так пугаются солдата мальчишки. Шмелев сделал и более существенную правку. Вместо дворника Гришки в рассказе появился дядя Егор, который поет Ване такую песенку:

Я, дядя Егор
С Воробьевых гор.
Торговал кирпичом
И остался не при чем.

Рассказ оканчивается другой фразой: после «Прошло!» — «Если бы вернуть!»

Немаловажно сохранять в изданиях своеобразие колоритной речи Шмелева, наполненной простонародными выражениями, местными речениями и собственным образным словом. Так во фразе «Мне едва перешло за семь лет» он заменил слово «перешло» на более выразительное «перевалило». Иными словами, при подготовке современных изданий произведений Шмелева нельзя механически перепечатывать газетные, журнальные, либо

другие неавторитетные тексты, наполняя их новыми ошибками. Составители обязаны выявить то издание, которое подвергалось последней авторской правке и провести работу, именуемую *критикой текста*, т. е. освободить его от цензурных изъятий, механических дефектов и опечаток, сличая с другими авторизованными источниками.

Текстология произведений Шмелева очень сложна, тем не менее и она поддается общим правилам. Если сохранилось несколько источников текста, за основу берется последний, прижизненный. Так, рассказ «Мэри» нужно печатать не по первопечатному журнальному варианту («Друг детства». 1907. №№ 11–12) и не по сборнику рассказов «Они и мы» (М., «Юная Россия». 1910. С. 3–77), а по книге, изданной парижским издательством «Возрождение» в 1928 г. (с. 5–82). Крымские сказки Шмелева — не по газетным текстам в изданиях «Власть народа» 1917 г., «Юг» и «Юг России» 1918–1919 гг. и не по книге «Степное чудо» (Берлин. «Мысль», 1921), а по сборнику «Степное чудо. Сказки» (Париж. «Возрождение», 1927). Только после того, как будет тщательно проработано каждое произведение Шмелева и выверен текст, можно приступать к изданию его собрания сочинений, ибо ни одно из существующих сегодня не является ни полным, ни научным.

Их дополняют публикации отдельных произведений, печатавшиеся в периодической прессе, изданиях юга России в 1919–1921 гг. и в эмигрантской литературе. Тем не менее далеко не все художественные произведения Шмелева, не говоря уже о его публицистике и эпистолярном наследии, выявлены исследователями. К примеру, в газете «Приазовский край» (Ростов-на-Дону) в 1919 г. опубликован его рассказ «Картины и мандарины», не вошедший ни в один из сборников. Остаются неопубликованными материалы архива Шмелева, переданного в 2000 году Ивом Жантийомом в Российский фонд культуры, и до сих пор недоступные исследователям. В настоящее время архив писателя разбросан по нескольким фондам, хранящимся в РГАЛИ, рукописном фонде РГБ, в зарубежных архивах и частных коллекциях.

Перед исследователями творчества Шмелева встает непростая задача: собрать неизвестную часть наследия писателя и начать подготовку к его научному изданию, что предполагает решение целого ряда текстологических проблем. До сих пор они не только не решались, но практически не ставились. Главной целью изданий последних 25 лет было как можно быстрее познакомить

читателей с произведениями, которые не издавались в советское время. Поэтому тексты едва ли не всех современных книг с большой натяжкой можно назвать шмелевскими. Исключением можно считать лишь тщательно подготовленное в РГАЛИ издание 4-х томов переписки И. С. Шмелева с О. А. Бредиус-Субботиной и неизвестных редакций произведений: «Роман в письмах» (том 1. 1939–1942. М., 2003. Том 2. 1949–1950. Том 3 (дополнительный). Ч. 1. М., 2005. Том 3 (дополнительный). Ч. 2. М., 2006).

Второй актуальной проблемой при подготовке издания сочинений Шмелева является комментирование. Тип его зависит от характера издания и его адресата. Массовому читателю не нужен текстологический комментарий. Его интересует сам текст, а не его история, поэтому в томах должны быть реалии, помогающие понять неясные места и вышедшие из обихода слова. Полное отсутствие такого комментария в восьмитомнике издательства «Русская книга» сильно обеднило издание. Произведения Шмелева создавались в конце XIX — первой половине XX века. Могут ли они без объяснений быть понятны читателям в XXI веке, особенно молодым? Не говорим уж о том, что Шмелев — языко-творец, признанный мастер колоритного необычного слова, знаток православных традиций и церковного обихода. Его «языко-чуткость» выражалась в употреблении старославянских, диалектных, простонародных слов, церковных терминов и многих историко-литературных выражений, исчезнувших в век интернета и компьютерной техники.

Покажем на примере первых глав романа «Лето Господне», каким насыщенным и сложным должен быть комментарий к этому тексту. Книга начинается с описания Чистого понедельника, т. е. с приготовлений к Великому Посту, когда в соответствии с народными обычаями чистят все в доме, моются в бане и даже тщательно полощут зубы, чтобы между ними не осталось ничего «скоромного». Шмелев подробно описывает «обряд очищения», который происходил в их семье. Следом идет описание чина общего прощения, как называли вечерню Сыропустной недели. Вступая в Великий Пост, верующие молились перед иконами, испрашивая прощения своих грехов, посещали кладбища и храмы, тюрьмы и больницы, раздавали милостыню. В патриархальной Москве царь объезжал монастыри, расположенные в Кремле и Китай-городе, далекие монастырские подворья и всюду просил прощения и жаловал священнослужителям денежную помощь.

Роман насыщен описаниями церковных богослужений, цитатами из молитв и песнопений, названиями икон, которые тоже требуют комментария. «Душе моя, душе моя» — начальные стихи Великого Канона св. Андрея Критского, который прочитывается на первой неделе Великого Поста и содержит 250 тропарей. «Господи — Владыка живота моего» — начало молитвы св. Ефрема Сирина, которую произносит священник во время Великого Поста и повторяют прихожане. «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко» — церковное песнопение, употребляемое обычно на 3-й неделе Великого Поста, иначе Крестопоклонной. «Увы мне, окаянная я!» — искаженное начало одного из тропарей Песни I Великого Канона Андрея Критского, читаемого на вечернем богослужении в Чистый Понедельник.

Особого разговора требует описание икон, изображающих Страшный Суд или Сорок Мучеников, чудотворную Икону Иверской Божьей Матери или Успение Пресвятой Богородицы. Шмелев упоминает вскользь о Донской иконе Божьей Матери или о «красноватой иконе Распятия». Речь идет об известной иконе Дионисия (XV век), изображающей распятие Христа на Голгофе. На фоне иерусалимской стены изображены две группы, стоящие по обе стороны Креста, во главе с Богородицею и Иоанном Крестителем. Одна из главков романа называется «Ефимоны», что тоже требует комментария. Правильное название — мефимоны, греческое название служб, совершаемых в Великий Пост. Слово в переводе означает «с нами», т.к. в этой службе часто повторяются стихи: «с нами Бог» и «Господи сил, с нами буди».

Другая главка — описание Постного рынка, который до 1914 г. располагался в Китай-городе на набережной от Москворецкого до Устьинского моста и работал в дни Великого Поста. На нем продавали постные продукты, разрешенные к употреблению в это время. Одно из них (коливо), не раз упоминаемое Шмелевым, тоже требует своего объяснения. Это отваренное зерно, которым было велено питаться верующим в субботу на первой неделе Великого Поста. Коливо готовится так же, как кутья, из риса, пшеницы или другой крупы с добавлением изюма и меда.

В тексте романа упоминается множество блюд или продуктов, названия которых непонятны современному читателю. Калья — борщ или похлебка на огуречном рассоле с мясом или рыбой и икрой. Вязига — сухожилия красной рыбы, которые отваривают и используют как начинку для пирога. Рязань — мелкие сладкие яблочки, которые привозили на Постный рынок мо-

рожеными. «Грешники» или гречневики — лакомство из гречневой муки, любимое простонародьем. На копейку продавали пару кусочков, политых постным маслом и посыпанных солью. Забыты или малоизвестны такие слова, как мурцовка, тюря, головизна, снеток, наметка, денник, подседа, ботвинья, ногавки, семитка, твори́ла и многие другие из бытового обихода XIX века.

За годы, прошедшие после жизни писателя, изменились многие явления общественной жизни, что отразилось в изменении их названий: десяти́к, староста, полицмейстер, околоточный, пристав, благочинный. Без комментария они непонятны. К примеру, упоминаемый Шмелевым «квартильный с Пресни» это полицейская должность: так в 1845–1894 годах называли околоточных. Каждая городская часть делилась на кварталы, во главе которых стоял квартильный надзиратель, а во главе части — частный пристав. Непонятно современному читателю выражение «сажай его под шары», что значит посадить на пожарную каланчу вместе с нарушителями порядка. Имеются в виду черные кожаные шары с человеческую голову, вывешиваемые на пожарной каланче. По числу шаров и по особому знаку москвичи узнавали, какой силы и в какой части города бушует пламя. На каланчу сажали пьяных и буянов, а также более опасных преступников. Требуется объяснения и расхожее выражение «слонов продавать», т. е. бездельничать, слоняться без дела.

Обстоятельного комментария требуют упоминания разных частей Москвы и Замоскворечья, монастырей, церквей, исторических памятников и особенно улиц, названия которых менялись не раз. Подобный комментарий сделан в книге для школьников старших классов «Лето Господне» (М., АСТ, Олимп, 1996, составление, предисловие и комментарий Е. А. Осьмининной). Однако для взрослого читателя тоже нужно объяснять многие реалии, остающиеся непонятными. Так, название картины, упоминаемой Шмелевым, «Красавица на пиру», это импровизированное название работы Якоба Йорданса «Пир Клеопатры» (1653), которую Шмелев мог видеть в Санкт-Петербургском Эрмитаже. А «печатная картинка, которую отец называет почему-то — “прянишниковская”» — копия с картины «Спасов день» художника-передвижника И. М. Прянишникова (1840–1894). Вероятно, сюжет упомянутого лубка, так же как и «Погребение кота мышами», сочинен старообрядцами. Нужно указать, что картинка была изготовлена в мастерской купца и коллекционера Г. М. Прянишникова, либо принадлежала ему.

Как мы видим, всего несколько страниц романа требуют огромного фактического комментария, без которого непонятен или недостаточно ясен смысл повествования. Исторические события, бытовая и религиозная жизнь народа, давно забытые названия блюд требуют объяснения. Иначе, как поймет молодой читатель, что кварталный — это не отчет, а должность полицейского, что частный — не определение личной жизни, рязань — не город, а маленькие яблочки, типа китайки, а грешники — лакомство, печенье из гречневой муки.

Для читателя, интересующегося не только текстами Шмелева, но и глубинным содержанием его творческого наследия, его философией и эстетикой, комментарий должен включать более серьезные сведения: историю создания произведений, прижизненные отклики критики, интерпретации главной идеи, в том числе, ее авторскую оценку, характеристику правки, которой подвергался текст, и др. Секрет популярности творчества Шмелева заключается в том, что он вернулся на родину в пору серьезных социальных перемен. Его мысли о «национальном, нашем» как никогда, рожают адекватный отклик в умах людей, а вера в созидательную роль православия воскрешает их души. «Да, Россия — вечна, и Она — будет!» — утверждал писатель²¹.

В годы перестройки во многом была потеряна культура подготовки издания сочинений классиков. В одном и том же томе собрания сочинений Шмелева, изданного «Русским словом», печатаются художественные произведения и публицистика, не соблюдается целостность тематических циклов (к примеру, «Крымские рассказы» напечатаны в трех разных томах), тексты публикуются по неавторитетным источникам, изобилующим опечатками и механическими искажениями. Особенно это заметно в тех произведениях, которые издавались в эмиграции в 1930–40-е годы, когда грамотность наборщиков-эмигрантов стала резко снижаться. Задача текстологов — провести тщательную сверку текста каждого произведения, сопоставляя все сохранившиеся источники: автографы, машинописи, прижизненные печатные издания, чтобы дать читателям подлинные тексты Шмелева.

За последние двадцать лет сложился и вырос большой коллектив ученых, занимающихся научным изучением творчества Шмелева. Это отразилось в серийном издании семнадцати «Шмелевских чтений», издаваемых по итогам ежегодных международных конференций, посвященных творчеству писателя. Настала пора всерьез задуматься о *научном* собрании его сочи-

нений. Перед литературоведами стоит задача познакомить читателей не только со знакомым, но и с незнакомым Шмелевым. Для этого нужно выявить его неизданные произведения, в том числе стихи, подготовить к печати и тщательно проверить все тексты, прокомментировать их. Огромное значение при этом будут играть публикации воспоминаний и писем писателя, в которых он делится с адресатами своими творческими планами, раскрывая смысл наиболее дорогих ему произведений. Между тем, несмотря на очень ценные публикации последних лет, далеко не все эпистолярные и мемуарные документы собраны и изучены.

8 августа 1946 г. О. А. Бредиус-Субботина в письме Шмелеву уверяла его: «...совсем в недалеком будущем тебя целиком издадут *там*». Она писала: «Ты — в сущности своей благостен и ясен. Такое только и нужно миру, а нашей Родине в особенности»²². Этого страстно хотел Шмелев. После окончания Второй мировой войны, размышляя о том, «почему Россия нужна миру и как поступать с русским народом», он выразил уверенность, что его родина скажет миру новое слово²³. Пророчески звучат сегодня его слова: «Знаю: Россия — придет срок! — меня оправит, Россия меня примет — память обо мне и мой труд во Имя Ея»²⁴.

¹ Переписка двух Иванов. Т. 2. С. 523–524.

² Лазарев В.А., Черников А.П. Письма И. С. Шмелева к А. С. Элиасбергу // В поисках истины. М., 1993. С. 146.

³ Роман в письмах. Т. 1. С. 106.

⁴ Там же. Т. 2. С. 361.

⁵ Там же. С. 292.

⁶ Там же. С. 478.

⁷ Там же. С. 617.

⁸ Роман в письмах. Т. 3 (доп.), кн. 1. С. 12.

⁹ Роман в письмах. Т. 2. С. 607.

¹⁰ Роман в письмах. Т. 3, кн. 1. С. 15.

¹¹ Там же. Т. 2. С. 539.

¹² Там же. С. 653.

¹³ О работе Шмелева над романом «Лето Господне» см. монографию Сурововой Л. Живая старина Ивана Шмелева. Из истории создания «Лета Господня». М.: Совпадение, 2006.

¹⁴ Роман в письмах. Т. 2. С. 307–308.

¹⁵ Там же. С. 617.

¹⁶ Там же. С. 346.

¹⁷ Переписка двух Иванов. Т. 2. С. 524.

¹⁸ Роман в письмах. Т. 2. С. 299.

¹⁹ Там же. С. 306.

²⁰ Над двухтомником по гранту РГНФ работал авторский коллектив в составе: О. В. Быстрова, Ю. У. Каскина, Л. А. Спиридонова, Л. Ю. Сурова, Л. В. Сумагохина.

²¹ Роман в письмах. Т. 2. С. 484.

²² Роман в письмах. Т. 3. Ч. 2. С. 268.

²³ Там же. Т. 2. С. 671.

²⁴ Литературная Россия. 2003. № 47, 21 ноября.